

МОЯ ВОЙНА

Вера Долженкова
Фото: Евгений Тамбовцев

Раннее утро 22 июня 2020-го... Стрелки на часах подбираются к шести... 79 лет назад уже два часа как шла Великая Отечественная. Уже два часа, как был ранен младший командир Красной армии Константин Долженков. Пуля, посланная из фашистского автомата (раньше фашистов он видел только на плакатах, расклеенных в военном городке, что под Гродно), попала ему в живот (слава богу, не задела жизненно важных органов). Истекающий кровью, в полусознательном состоянии, он несколько дней лежал среди убитых однополчан...

Вечная рана

В который раз сижу над дневником отца — толстой жёлтой тетрадкой, которую он начал вести сразу после освобождения из Ивдельлага осенью 1953-го, где осуждённый по горько известной 58-й (политической) статье УК СССР должен был отсидеть 25 лет за измену Родине.

Отца нет уже тридцать с лишним лет, а у меня в памяти отчаянные слёзы в его глазах, надрывные рассказы о зверствах войны, тяжёлые воспоминания о лагерной жизни. Но, как бы это нелепо, дико, абсурдно и парадоксально ни звучало, Великая Отечественная лично мне дала жизнь. Уже в конце июля 1941 года папа оказался в концентрационном лагере под Лейпцигом (Германия). Рану лечил листьями подорожника, который нечаянно разглядел возле одного из новых объектов.

Подорожник очень быстро закончился. Рана с трудом затянулась, но ужасный шрам остался на всю жизнь. В детстве, когда всей семьёй выбирались на речку или папа приходил из бани, я очень любила трогать этот шрам — похожий на солнышко, обрисовывала его лучики.

...Военнопленные строили ещё несколько барачков, как потом выяснилось — для рабсилы, которую вот-вот должны были пригнать из Союза. В одной из партий в лагерь прибыла Ольга Рыбчинская — черноволосая и черноглазая хохлушка. Молодые люди, когда сталкивались в лагере, сначала только переглядывались, а потом и познакомиться удалось.

Родители рассказывали, что до осени фашисты поч-

Вера Долженкова — главный редактор газеты «Томские новости», Томская область, город Томск

ти не лютовали. Когда в Германию уходили первые эшелоны с рабочей силой, людям даже позволялось брать с собой тёплые вещи и какую-никакую еду. Дважды в сутки поезд останавливался в чистом поле, чтобы «пассажиры» справили нужду. Мамин товарняк с Украины до Германии шёл почти три недели — постоянно пропускал военные эшелоны на восток. У неё, восемнадцатилетней девочки, созрел план вернуться домой, хотя подруги её и отговаривали, ссылаясь на рассказы о сказочной жизни за границей.

На каком-то полустанке с головой нырнула в крапиву и валялась в ней минут пять, преодолевая жжение. А потом, уже в вагоне, ума хватило натереться солью. Уже через полчаса все её тело полыхало алым цветом и пузырилось. Но среди сопровождающих эшелон был грамотный фельдшер. Ему взгляда хватило, чтобы понять — девчонка решила всех провести в надежде, что её, как заразную, снимут с поезда и отправят домой, в Житомир...

Освободили моих родителей американцы 8 мая 1945 года. Два месяца пешком добирались они до Украины, до маминих родителей — отец-то детдомовский. Устроились на работу. Поженились. В 1947-м у них родился мой старший брат Анатолий, в 1949-м — сестра Надежда. А 9 мая 1950 года в разгар народного гулянья (!) в честь пятилетия Великой Победы в городском парке Львова отца арестовали. Уже на следующий день суд приговорил его к 25 годам лишения свободы...

Из лагеря он вышел вскоре после смерти Сталина. Мама со старшими детьми приехала на Северный Урал, и семья навсегда осела в тысячах километрах от родных краёв. В 1961-м, когда мне исполнился год, отца полностью реабилитировали.

Он умудрился сделать приличную для советских времён карьеру. Аттестат о среднем образовании, а позднее и диплом об окончании лесотехникума он получал одновременно со своим старшим сыном. Закончил трудовой путь главным бухгалтером крупнейшего в своё время леспромхоза в объединении «Тюменьлеспром». Имел много трудовых наград, но особый трепет и волнение у отца вызывала скромная юбилейная медаль «В честь 25-летия Победы в Великой Отечественной войне». Она и у меня на самом почётном месте...

Самокрутка для Утёсова

Ну и как, имея такую семейную историю, я могу относиться к Великой Отечественной? Для меня, как журналиста и главного редактора, всё, что связано с этой темой, — организация и участие в автопробегах по местам боёв томских дивизий и соединений, поддержка работы музеев и поисковых отрядов, шефство над ветеранами войны — действительно имеет первостепенное значение.

В этом году еженедельник «Томские новости» выходит под знаком Великой Победы. Ведём сразу несколько рубрик, посвящённых этой сложной во всех смыслах теме. «Год памяти и славы» — в ней мы рассказываем обо всех 139 Героях Советского Союза, уроженцах региона. В живых не осталось ни одного из них, да и родственников их практически нет. В лучшем случае имеем мемориальную доску на школе, где учился герой, да наградной лист...

Но материалы стремимся делать полноценные, интересные. Благо налажены крепкие связи с архивами своего и соседних регионов.

Ещё одна рубрика — «Земля боевой и трудовой доблести» — посвящена подвигу томичей, ковавших победу в тылу, а это десятки историй заводов, госпиталей, культурных учреждений, эвакуированных в Томск.

Крупнейшие из них — заводы «Электросила», «Фрезер», «Красный богатырь», московский ГПЗ-1... Каждый день из Томска на фронт уходили эшелоны с миноискателями, минами для «катюш», запалами для гранат, электродвигателями для танков и подводных лодок. Более 100 тысяч раненых прошли через наши госпитали. Из них больше половины после лечения вернулись в строй.

Созданный на базе вузов города Томский комитет учёных разработал целую линейку противобактериальных и противовирусных препаратов, антисептические повязки с использованием дикоросов, мощнейшие по тем временам фитонциды на основе лука и чеснока. В Томске квартировали Белорусский драматический театр имени Янки Купалы, музей «Ясная Поляна», экспонаты музеев Пушкина, Толстого, Горького, севастопольская картинная галерея...

После каждого выхода газеты с очередным рассказом о немислимо оперативной и полноценной адаптации эвакуированных, о невероятной отдаче всех

нуть. Даже немного поголодать. Но это того стоило! Точное авторство акции, как я ни пыталась, установить не удалось, хотя и придумана она была всего около года назад. По одной версии, это задумка культурработников Кузбасса. По другой — томского краеведа, заслуженного работника культуры РФ Александра Дащенко, возглавляющего в Парабели (один из самых северных, речных районов Томской области) картинную галерею.

Первые хотели организовать несколько поездок делегации кузбассовцев в северные районы Томской области и даже выиграли на эту цель президентский грант. А цель была благой — отблагодарить потомков рыбаков, 78 лет назад откликнувшихся на призыв горняков-металлургов помочь продуктами. Зимой 1942 года соседи обратились к нарымчанам с просьбой досрочно выполнить годовые планы по вылову рыбы.

Фронт задыхался от нехватки техники и снарядов. Донбасс оказался в глубокой оккупации. Вся надежда на добычу угля и производство стали была на Кузбасс. А шахтёров надо было кормить. Рыбаки дружно сказали «да!» и пообещали соседям отправить не менее 300 тонн свежей, солёной и копчёной рыбы.

А Александр Дащенко пошёл дальше — предложил провести реконструкцию всего, что было связано с «Красным обозом», с максимальным приближением к реальности. Администрация Томской области подключилась к реализации этой патриотичной идеи оперативно и с готовностью приняла в реконструкции самое активное участие.

К мнению Александра Николаевича в Томске прислушиваются все. Он — один из авторов цикла мероприятий «Из глубины веков. С Нарымом связанные судьбы». Самое яркое событие в преддверии 75-летия Великой Победы, прошедшее по его инициативе, — дни памяти советской актрисы, театрального режиссёра Ирины Мейерхольд и великого актёра кино, народного артиста СССР Василия Меркурьева (его мы помним по фильмам «Небесный тихоход», «Повесть о настоящем человеке», «Летят журавли», «Сталинградская битва», «Золушка», «Отроки во Вселенной»). В 1942-м они были эвакуированы из Ленинграда в Сибирь и создали Нарымский окружной драматический театр, в груп-

пу которого вошли актёры Томска, Новосибирска. Малой крови не бывает

— Поначалу мы действительно хотели в режиме документального кино провести эту крупномасштабную акцию, которая должна была растянуться на 18 дней и пройти по территории как минимум девяти районов региона. Всё должно было быть, как когда-то в реальности, — рассказывает заместитель губернатора Томской области Андрей Кнорр, — но быстро от этого отказались. В реконструкции предполагалось участие не меньше трёх тысяч жителей области.

Сколько бы производств встало, работа скольких учреждений была бы парализована больше чем на полмесяца! А учитывая, что в те времена тыл на равных с женщинами и стариками держался на подростках, то и занятия в старших классах пришлось бы затормозить — в «Красном обозе» было очень много детворы. К тому же надо было найти 2100 подвод — именно столько в итоге прошло лошадей в обозе. Организовать стоянки, как это было зимой 1942-го: со столовыми, чайными, кинозалами, медицинскими и ветеринарными пунктами, складами овса.

Поэтому решили обойтись малой кровью — каждый из районов Нарымского (читай — рыбного) края проводил свою часть реконструкции, максимально приближённую к событиям 1942 года. Но это я только пишу — «малой кровью». На самом деле в каждом районе развернулась колоссальная работа по сбору информации об участниках обоза, обо всём происходящем тогда в районах.

Мне очень легко было писать репортажи с этих реконструкций — обилию собранных исторических материалов, воспоминаний очевидцев, уникальных экспонатов может позавидовать самый профессиональный музей. Благодаря крепким связям с главами районов, сотрудниками администраций мы с фотокором оказались внутри истории — коротали время за разговорами за жизнь с реконструкторами: учителями, бухгалтерами, скотниками, пенсионерами, школьниками и студентами, распивали чай между репетициями, кормили лошадей.

Мне даже пришлось помогать «директору» одного из импровизированных рыбных колхозов разбираться с гримом — на морозе у него ус отклеился.

А другому, по сценарию только что вернувшемуся с фронта по ранению, бинтовать якобы простреленный глаз... Уже в третьей командировке мне нестерпимо захотелось раскопать одежду тётки из тех далёких 1940-х, чтобы стать равноправной участницей «Красного обоза». Всё, что связано с поиском одежды для реконструкторов, реквизита, лошадей, вообще заслуживает отдельного рассказа. Что ни образ участника обоза — то целая история.

Вирус памяти не помеха

20 марта по задумкам реконструкторов обоз должен был «прибыть» в Томск. Здесь планировалось культурно-просветительное событие — митинг, концерт, множество экспозиций и проводы «Красного обоза» в Анжеро-Судженск, откуда подводы «разъехались» бы по городам Кузбасса. Соседи активно участвовали в каждом этапе реконструкции. Выступления агитбригады кузбассовцев в домах культуры принимались на ура. Делегация Кузбасса активно общалась с местными ветеранами, со школьниками.

А какие познавательные и многогранные экспозиции о жизни шахтёров и металлургов разворачивали наши соседи в каждом районе! И все ждали знаковой вехи акции — пересечения границы между Томской и Кемеровской областями. Но пандемия и карантин испортили всё и вся. Сначала организаторы намеревались поставить красивую точку в реконструкции 9 мая, затем 22 июня... Сегодня планы пока расплывчаты.

ТОМСКИЙ СОЮЗ ЖУРНАЛИСТОВ В ЭТОМ ГОДУ ВЫИГРАЛ ГРАНТ АДМИНИСТРАЦИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ ДЛЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ «ХОРОШО ПИШЕТ НЕ ТОТ, КТО ХОРОШО ПИШЕТ, А ТОТ, КТО ХОРОШО ДУМАЕТ» И ЛЬВИНУЮ ДОЛЮ ЕГО ПОСВЯТИЛ РАБОТЕ С ЮНКорами И ИМЕННО ПО ТЕМЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ.

Мы запланировали три марш-броска по знаковым местам Томска, связанным с войной. По итогам каждого талантливая молодёжь должна была написать эссе «Война в судьбе моей семьи, моих соседей, моих земляков». Предполагался конкурс творче-

ских работ с призами и большим количеством интересных моментов при подведении итогов.

Но по всё тем же печальным причинам удалось пока провести только один марш-бросок. На целый день мы погрузили юных журналистов в жизнь Томска 1940-х годов. Ребята побывали в уникальном школьном музее 166-й стрелковой и 179-й гвардейской дивизий, в музее эвакуированных заводов, расположившихся в Ленинском районе Томска. Второй марш-бросок будет связан с историей памятников, посвящённых Великой Отечественной войне. Памятник девушке, ждущей своего любимого с фронта; памятник труженикам тыла, памятник уроженцу Томской области первому коменданту Рейхстага Герою Советского Союза Фёдору Зинченко; памятник уходящим на фронт профессорам и студентам Томского медицинского института; памятник воину-освободителю в Сквере памяти... Последний в этом списке — особенный для Томского союза журналистов. В своё время этот памятник стоял на территории Государственного подшипникового завода, того самого, эвакуированного из Москвы. В известные непростые для российской экономики времена завод умер, его территория была продана с молотка, а памятник новые хозяева решили выбросить на свалку.

Какой же шум поднял местный Союз журналистов! И теперь этот пусть неброский, но очень значимый для тысяч томичей памятник занимает в городе достойное место и у его подножия всегда лежат живые цветы.

Заключительный марш-бросок мы планировали провести во время финиша «Красного обоза». Ребята должны были принять участие во всех мероприятиях акции. Пока не судьба. Но мы ждём окончания пандемии, снятия карантина. Вирусы — вирусами, они приходят и уходят. А события 1941—1945 с нами навсегда. Как навсегда в моей памяти, в моём сердце останется красивая, горькая, счастливая, облитая слезами, но вытерпевшая всё любовь моих родителей.

И я очень постараюсь, чтобы мои внуки и правнуки, внуки и правнуки моих брата и сестры помнили об этой любви, рождённой войной и несломленной ею.

✂